

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Е.Ю. Сергеев*

СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ 1917–1918 ГГ.: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., 6*

Данная статья посвящена рассмотрению одной из ключевых проблем во взаимоотношениях Великобритании и большевистского правительства в первые месяцы после октябрьского этапа Великой российской революции 1917–1922 гг. — участию Советской России в боевых действиях на стороне Антанты на завершающем этапе Первой мировой войны. Автор отмечает, что правящие круги в Лондоне восприняли захват власти В.И. Лениным и его сторонниками далеко не столь однозначно, как это принято было считать в отечественной историографии: англичане оказались перед непростой дилеммой, поскольку их не устраивал статус России ни как нейтрального государства, ни тем более как противника. Основываясь на впервые вводимых в научный оборот документах официального происхождения наряду с мемуарами и дневниками свидетелей событий, а также на сравнительном анализе отечественной и зарубежной научной литературы, особенно исследований последних лет, автор оценивает достижения и просчеты как Форин офис, так и Народного комиссариата по иностранным делам на рубеже 1917–1918 гг. — в наименее изученный период советско-британских отношений. В статье показано, что помимо продолжавшихся боев на фронтах мировой войны эти успехи и неудачи объяснялись сразу несколькими факторами: текущей внутривосточной ситуацией в обеих странах; стратегическими внешнеполитическими планами большевиков и британской элиты, а также

---

* *Сергеев Евгений Юрьевич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com).

действиями третьих стран – как союзников, так и противников. В этой непростой обстановке решающее значение приобретал исход ожесточенных дискуссий между английскими и большевистскими политиками, дипломатами и общественными деятелями, от которого зависели практические шаги внешнеполитических ведомств обеих стран. Особое внимание уделено перипетиям взаимоотношений между представителями Советской России и Великобритании в период Брестских переговоров, в частности миссии британского дипломата Р. Локкарта. С точки зрения автора статьи, ни одна из сторон не смогла в рассматриваемый период одержать победу в дипломатической дуэли: Великобритания окончательно потеряла стратегического союзника, а Россия после четырех лет мировой войны вынуждена была отражать вооруженную интервенцию бывших партнеров по Антанте.

Ключевые слова: Советская Россия, Великобритания, дипломатические отношения, Первая мировая война, Брестский мирный договор, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, М.М. Литвинов, Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль, Р. Локкарт.

Несмотря на то что от драматичных событий, связанных с завершением Первой мировой войны, нас отделяют уже 100 лет, в современной историографии не утихают споры относительно интерпретации роли различных внутри- и внешнеполитических факторов, оказавших решающее влияние на формирование нового – Версальско-Вашингтонского – порядка международных отношений и его последующее развитие в межвоенный период. Особый интерес в этой связи вызывает анализ эволюции чрезвычайно напряженных отношений, установившихся в тот момент между Великобританией и Советской Россией. Качественную новизну данному исследованию начального периода взаимодействия большевистского руководства и британского правительства придают два ключевых момента: во-первых, привлечение широкого пласта новых исторических источников, ставших доступными историкам лишь в последние годы; во-вторых, критический анализ ряда недавно изданных публицистических работ, авторы которых не только воспроизводят стереотипные представления историографии периода «холодной войны», но и пытаются заново в условиях очередного сокращения англо-российских контактов на современном этапе конструировать далекие от истинной картины мифологемы.

Стоит сразу подчеркнуть, что центральной проблемой статьи выступает оценка усилий британской дипломатии по сохранению России среди союзных держав, а также ответных действий большевистского руководства, поставившего перед собой задачу удержать власть в бывшей империи до победы мировой революции после завершения «империалистической войны». Основанное на ранее

малоизвестных или прежде недоступных материалах архивных коллекций, равно как и документах личного происхождения, настоящее исследование акцентировано на освещении отдельных историографических лакун, являясь лишь небольшой частью монографической работы, которую автор готовит к публикации в одном из отечественных издательств.

Говоря о степени изученности интересующего нас периода советско-британских отношений, укажем, что он остается наименее исследованным специалистами и в то же время наиболее мифологизированным. Данное утверждение справедливо не только для оценки позиции большевистского руководства в связи с политикой Лондона, но и в гораздо большей степени для рассмотрения различных точек зрения среди членов коалиционного правительства Соединенного Королевства. Не претендуя на подробное изложение всех перипетий мирных переговоров в Брест-Литовске, которые подверглись детальному анализу в работах отечественных и зарубежных историков [Wheeler-Bennett, 1939; Warth, 1954: 196–241; Чубарьян, 1963; Фельштинский, 1992; Нежинский, 2004: 28–46; Макаренко, 2008; и др.], автор статьи поставил задачу реконструировать динамику поиска британскими политиками и дипломатами эффективных путей построения отношений с новыми лидерами Советской России при выработке стратегии достижения победы над Центральными державами в продолжавшейся мировой войне.

Автор опровергает распространенную в советской историографии упрощенную трактовку политики Уайтхолла только как «империалистической и антибольшевистской», показывая существование различных стратегий действий на «российском направлении», которые рассматривались в Лондоне. В то же время статья демонстрирует противоречивость внешнеполитического курса большевиков, стремившихся за счет маневрирования между великими державами, включая Великобританию, достичь собственных целей удержания власти в разоренной, близкой к полному коллапсу обширной стране.

Логика реконструкции «петроградского» периода советско-британских отношений отражена в структуре статьи. Помимо краткого введения в ней представлен анализ особенностей советско-британских контактов на рубеже 1917–1918 гг., акцентировано внимание читателя на поиске обеими странами модус вивенди в двусторонних отношениях и освещены малоизвестные аспекты миссии Р.Б. Локкарта в Советской России. В заключение автор суммирует результаты исследования, предлагая аргументированное объяснение достижений и просчетов британской дипломатии по урегулированию «русского вопроса».

К концу так удачно начинавшегося для Антанты 1917 года ее положение стало настолько угрожающим, что, по мнению ряда наблюдателей, перспектива победы в войне для Великобритании и ее союзников отодвинулась к 1919 или даже 1920 г. Согласно подсчетам английских экспертов перемирие на Восточном фронте означало бы переброску от 32 до 60 германских дивизий на Запад (в реальности численность германских войск на российской территории с марта по август 1918 г. сократилась с 52 до 34 дивизий¹), репатриацию около 1,6 млн германо-австрийских военнопленных и передачу Центральным державам огромных запасов вооружения, накопленных Россией за 3,5 года боевых действий² [Keeble, 1990: 15; French, 1995: 236; Macsrae, 2015: 291–292].

Неслучайно поэтому пессимистичные настроения царили не только среди английских политиков. Их испытывали широкие круги общественности Соединенного Королевства. Б. Вебб, видная участница социалистического движения на Британских островах, записала в дневнике: «Новый год [1918. — *Е.С.*] открывается во тьме. Германия сильнее и удачливее союзников, чем когда-либо раньше с момента первого наступления на Париж. Правящие классы Великобритании более не уверены в конечной победе — все предсказания истощения живой силы или финансовой неспособности Германии оказались ошибочными. Угроза подводной войны не уменьшается, а уверенность в возможностях США облегчить ситуацию по меньшей мере не возрастает»³.

Перспективы победы оставались неясными еще и потому, что ведущие деятели политической сцены Соединенного Королевства по-разному формулировали стратегические цели, предлагая порой диаметрально противоположные шаги, которые следовало бы осуществить, в частности, на российском направлении.

Так, часть представителей властной элиты, например лорд-председатель Тайного совета Дж. Керзон, министры — вооружений У. Черчилль и блокады Р. Сесил, а также руководители британской военной миссии в России генералы Ч. Бартер и А. Нокс, выступали против всяких отношений с пришедшими к власти большевиками,

¹ Memoranda and telegrams relating Civil War in Russia, 1919 // The National Archives of the United Kingdom (далее — TNA). Domestic Records of the Public Record Office. 30/30/15.

² Набоков К.Д. Испытание дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1923. С. 169.

³ 10 January 1918 // The diary of Beatrice Webb / Ed. by N. Mackenzie, J. Mackenzie. Vol. III. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. P. 292.

которые рассматривались ими в качестве узурпаторов и германских агентов, «продавших» бывшую империю кайзеру Вильгельму II⁴.

Восприняв захват власти большевиками как «личное оскорбление» [Думова, Трухановский, 1989: 24], У. Черчилль в публичной речи 11 декабря 1917 г. заявил: «Россия полностью разгромлена германцами. Ее великое сердце разбито не только германской мощью, но и хитростью, не только немецкой сталью, но и золотом»⁵. Именно бывший восточный союзник, по его мнению, лишил Антанту уже близкой победы и подверг сохранивших верность членов альянса новым испытаниям, которых они не заслуживали, но которые не должны были их сломить. В меморандуме для Кабинета от 31 декабря 1917 г. министр вооружений сделал акцент на фактическом коллапсе Восточного фронта, что наряду с катастрофой итальянской армии под Капоретто и неспешным прибытием американских дивизий в Европу заставляло британцев «еще туже затянуть пояса», а правительство отказаться от какого-либо повышения заработной платы рабочим государственных предприятий⁶.

Гораздо меньше политиков выступали если не за признание правительства В.И. Ленина, то хотя бы в пользу сохранения минимальных контактов с ним. Кроме лидеров Лейбористской партии, особенно представителей ее левого, пацифистского крыла, таких как Дж.Р. Макдональд, А. Гендерсон и Дж. Лэнсбери, эти взгляды отчасти разделяли посол в России Дж. Бьюкенен, влиятельные члены Имперского военного кабинета — министр без портфеля А. Милнер и крупный южноафриканский политик и генерал Я. Смэтс, а также с известными ограничениями — сам глава правительства Д. Ллойд Джордж⁷.

Аргументацию сторонников примирения с советским режимом хорошо отразила газета «The New York Times», которая в передовой статье от 28 ноября 1917 г. констатировала: «Если уж необходимо сделать мир безопасным для демократии, то из большевистской стихии должна возникнуть самостоятельная Россия, чего можно достичь только при поддержке Великобритании, Франции и Соединенных Штатов» [Foglesong, 1995: 62]. Близкие к изложенным мотивы находим в мемуарах все того же Дж. Бьюкенена, который после возвращения на родину «резко возражал против разрыва с больше-

---

⁴ Wardrope, British General Consul in Moscow, to the Foreign Office, 17 December 1917 // TNA. Foreign Office (далее – FO) 800/205.

⁵ Цит. по: Gilbert M. Winston S. Churchill. A Companion. Vol. IV. Pt. 1. Boston: Houghton Mifflin, 1975. P. 219.

⁶ Ibid. P. 224–226.

⁷ Diary, 4 January 1918 // Cambridge University. Churchill Archives Centre. Amery Papers 7/14.

виками на том основании, что это дает Германии полную свободу действий в ее отношениях с Россией»⁸.

Наконец, будучи далеко не уверенными в том, что «максималисты», как в первые недели британские политики называли пришедших к власти большевиков, вообще сумеют удержать контроль над страной в своих руках [White, 1985: 18], третью, промежуточную точку зрения отстаивали адепты выжидательной (wait and see) тактики, например большинство сотрудников Разведывательного бюро пропаганды Форин офис, включая таких экспертов, как историки А. Тойнби, Р. Ситтон-Уотсон, Дж. Хедлем-Морли и др. [Иванов, 2012: 150–151]. Мнение этой группы истеблишмента отразил министр иностранных дел А. Бальфур. Именно он 9 декабря 1917 г. выступил со специальным меморандумом, в котором, доказывая невозможность удержать бывшего союзника в войне, призывал коллег по коалиционному Кабинету предпринять все возможные шаги для того, чтобы в руки немцев попало как можно меньше военного имущества и стратегических материалов, доставленных Антантой в Россию. Одновременно А. Бальфур убеждал министров в том, что Великобритании следует использовать перемирие русских с противником с максимальной выгодой для себя, чтобы продемонстрировать союзным и нейтральным странам, каким тяжелым бременем может стать для них господство Германии в Европе, если победу в войне одержит Четверной союз⁹ [Kennan, 1967: 169; Page Arnot, 1967: 121; Keeble, 1990: 17–18; Swain, 1996: 121–122].

В этой связи уместно взглянуть на состояние двусторонних отношений также глазами большевиков. Прежде всего, отметим, что в первые месяцы советской власти сам В.И. Ленин и многие его соратники не придавали дипломатической деятельности большого значения, обращая главное внимание на информационно-просветительскую работу Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД), в структуре которого были созданы отдел прессы во главе с К.Б. Радеком и Бюро международной революционной пропаганды, которым руководил Б. Рейнштейн [Wheeler-Bennett, 1939: 90; Нежинский, Рудая, 2002: 43].

Если говорить обобщенно, то, по справедливому замечанию академика А.Б. Давидсона, в Советской России «смотрели на Англию как на старейшую цитадель капитализма и оплот антисоветизма», что в полной мере отражалось «в официальных и официозных из-

---

⁸ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата. 1910–1918 / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2006. С. 389.

⁹ Memorandum by Balfour, 9 December 1917 // TNA. Cabinet Papers (далее – CAB) 23/4. W.C. 295; CAB 23/295; CAB 24/35/GT 2932; Lloyd George D. War memoirs. Vol. V. New York: AMS, 1982. P. 2565.

даниях, средствах массовой информации, художественной литературе, широко распространенных представлениях». Можно также согласиться с его выводом о том, что «недоверие к английской внешней политике и скептическое отношение ко всему, что связано с английским образом жизни» были в целом всегда характерны для большевиков, «унаследовавших» от императорской России традиционную неприязнь к Соединенному Королевству и прибавивших к ней свои претензии, «связанные уже с идеями классовой борьбы и взглядом на Великобританию как на классическую страну капитализма» [Давидсон, 2005: 56].

Однако при общем стремлении к мировой революции, главным препятствием для которой сторонники В.И. Ленина считали существование Британской империи, среди них также отсутствовало единодушие касательно выбора сценария дальнейшей политики на западном направлении, особенно в связи с ситуацией в ключевых странах Европы¹⁰ [Чубарьян, 1972: 160–165]. Доминирующая часть большевистской верхушки, включая самого председателя Совета народных комиссаров (СНК), а также временные союзники правящей партии – левые эсеры категорически возражали против дальнейшего сотрудничества с Антантой, делая ставку на революционный взрыв в Центральных державах, который позволил бы превратить мировую войну в вооруженную борьбу за установление Всемирной Республики Советов. «Не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империализмов выгоднее помочь теперь, – подчеркивал В.И. Ленин на Петроградской партийной конференции 21 января 1918 г., – а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны»¹¹.

Однако по мере нарастания разочарования в надеждах на успех мирных переговоров с Четверным союзом и консолидации общего мнения о маловероятности победы революционного движения в Германии и Австро-Венгрии прагматично мыслившие политики, такие как нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий или помощник наркома по финансам Г.Я. Сокольников, все больше приходили к выводу о желательности и даже выгоды продолжения контактов с союзниками, прежде всего Великобританией. По воспоминаниям бывшего дипломатического чиновника Г.Н. Михайловского, второй человек в большевистском руководстве шантажировал

---

¹⁰ Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве / Пер. с нем.; ред. Ю.Г. Фельштинский. М.: Книговек, 2010. С. 9–10.

¹¹ Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1971. С. 247.

представителей Центральных держав угрозой возобновления войны Россией вместе с Антантой, чтобы противопоставить друг другу враждовавшие коалиции. Этот принцип лег в основу последующей дипломатической практики советского режима¹².

* * *

Между тем перемирие на Восточном фронте, последовавшее 15 декабря 1917 г., и начавшиеся спустя неделю в Брест-Литовске переговоры советской делегации с представителями германского блока ослабляли, как это обычно случается в периоды острого кризиса, позиции сторонников выжидательной тактики, активизируя политиков, отстаивавших крайние точки зрения либо о совместной работе с большевиками, либо о бескомпромиссной борьбе против них. При этом, несмотря на все различия, именно идея удержания России от столь пагубного для перспектив победы Антанты в мировой войне шага, как заключение сепаратного мира, продолжала доминировать в официальном и общественном дискурсах Соединенного Королевства на протяжении начальных недель существования советского режима [Lowe, Dockrill, 1972: 304; Keeble, 1990: 14; Быстрова, 2016: 238–255].

В последний день 1917 г. Кабинет принял решение об учреждении под председательством лорда Сесила специального межведомственного органа – Комитета по России (Russia Committee), члены которого – эксперты Форин офис, Военного министерства и Адмиралтейства – провели 56 заседаний с января до середины июля 1918 г. Любопытно, что двумя вопросами, которые сразу же привлекли внимание Комитета в январе 1918 г., стали демобилизация русской армии с Румынского фронта и перспектива организации снабжения немцев и австрийцев зерном из западных губерний бывшей империи Романовых¹³ [Ullman, 1961: 84].

Однако главным пунктом внешнеполитической повестки Уайтхолла оставались переговоры в Брест-Литовске, за которыми очень внимательно наблюдали с берегов Темзы, подвергая анализу маневры их участников¹⁴. Придерживаясь главным образом выжидательной тактики, кабинет Д. Ллойд Джорджа намеревался сочетать поддержку антибольшевистских сил внутри России с развитием негласных контактов между Уайтхоллом и правительством Ленина–Троцкого в период, когда Советская Россия оказалась для Лондона

¹² Михайловский Г.Н. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1993. С. 56.

¹³ Russia Committee minutes, 17 January 1918 // TNA. FO 95/802.

¹⁴ Review of the Bolshevik peace proposals, December 1917 – February 1918 // TNA. CAB 63/23.

в своеобразной «серой зоне» международных отношений: ни союзник, ни противник, ни нейтрал¹⁵.

Уже в конце ноября 1917 г. для установления контактов с анти-советскими силами Великобритании предприняла несколько важных шагов. Прежде всего, по рекомендации военных представителей союзников в Румынии к атаману А.М. Каледину, а также бывшим царским генералам М.В. Алексееву и Л.Г. Корнилову на Дон отправилась англо-французская военная миссия, уполномоченная предложить им крупную финансовую субсидию на воссоздание национальной армии, способной вести полномасштабные боевые действия не только против германо-австрийских войск, но и против большевистских отрядов. Далее, по предложению полковника Э. Хауза, ближайшего советника президента В. Вильсона, Румыния должна была превратиться в «сборный пункт» всех воинских частей, особенно польских и казачьих, которые выразили готовность продолжать вооруженную борьбу против немцев. Эта инициатива получила одобрение премьер-министров Великобритании, Франции и Италии на Межсоюзнической конференции в Париже. Кроме того, 4 декабря британский Кабинет обсудил пункты секретной конвенции между Лондоном и Парижем относительно перспектив совместных действий на юге России. Это соглашение было в форме меморандума Сесила—Милнера одобрено французским премьером Ж. Клемансо 23 декабря 1917 г. с последующим уведомлением Рима и Вашингтона [Kennan, 1967: 168; Ullman, 1961: 46; Kettle, 1981: 148–175; French, 1995: 240].

Важно отметить, что меморандум предусматривал не только раздел сфер ответственности двух государств — лидеров Антанты в южной России (в ведение Великобритании передавались так называемые казачьи области, Грузия, Армения и районы, населенные курдами, а под контроль Франции переходили Украина, Бессарабия и Крым). Именно на этом аспекте всегда акцентировали внимание советские историки, подчеркивая, что единственной целью соглашения были «захват и расчленение России» для последующего «уничтожения советского строя» [Штейн, 1949: 29; Волков, 1980: 28–31]. В реальности текст документа содержал и другие значимые положения: признание прав наций на самоопределение без аннексий и контрибуций, недопустимость вывоза российского сырья в Центральные державы, противодействие пантюркистским планам Османской империи в Закавказье и Центральной Азии. Наконец, оба союзных правительства выражали согласие «немед-

---

¹⁵ Цит. по: Lockhart R.B. *Memoirs of a British agent*. London; New York: Putnam, 1932. P. 231.

ленно вступить в контакты с большевиками через своих неофициальных эмиссаров таким способом, который каждая страна признает наилучшим»¹⁶.

Продолжая этот вектор политики в «русском вопросе», 21 декабря 1917 г., после согласований, длившихся почти месяц, британский Кабинет принял решение о направлении в Петроград молодого, но уже достаточно опытного дипломата Роберта Брюса Локкарта, занимавшего с января 1912 по сентябрь 1917 г. должность сначала вице-консула, затем консула и, наконец, генерального консула (правда, как исполнявшего обязанности) в Москве¹⁷ [Debo, 1979: 241–242]. Что же касается упоминавшегося посла Дж. Бьюкенена, деятельность которого в последние месяцы, особенно после коллапса Временного правительства и прихода к власти большевиков, рассматривалась на берегах Темзы как неудовлетворительная, то он был вынужден 6 января 1918 г. навсегда покинуть Петроград¹⁸ [Левидов, 1925: 12, 29–31].

Тем временем 4 января 1918 г. СНК утвердил приказ Л.Д. Троцкого о назначении М.М. Литвинова (Макса Валлаха), интернированного, как и Г.В. Чичерин, в Лондоне полицией Соединенного Королевства, временным уполномоченным НКВД в Великобритании, что вынудило Министерство внутренних дел санкционировать его немедленное освобождение¹⁹ [Scheffer, 1931: 671; Выгодский, 1965: 45; Соловьев, 1965: 55; Debo, 1975: 466; Шейнис, 1989: 104–114; Нежинский, Рудая, 2002: 43–44; Шишкин, 2002: 76; Известные дипломаты России, 2007: 181]. Этот выбор объяснялся несколькими мотивами. Во-первых, М.М. Литвинов проживал на Британских островах с 1909 г. как политэмигрант, сменив за это время несколько мест работы²⁰ [Debo, 1975: 466], поэтому он не только разделял коммунистические убеждения, но и был достаточно хорошо знаком с реалиями британской жизни, а самое главное – менталитетом подданных короля Георга V. Во-вторых, женившись в 1916 г. на А. Лоу, англичанке еврейского происхождения, дядя которой работал корреспондентом «The Times» в Вашингтоне, М.М. Литвинов

---

¹⁶ Convention between France and England on the Subject of Activity in Southern Russia, 23 December 1917 // Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 / Ed. by E.L. Woodman, R. Butler et al. Ser. 1. Vol. III. London, 1949. P. 369–370.

¹⁷ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары / Пер. с англ. Т. V. М.: Социально-экономическое издательство, 1937. С. 96.

¹⁸ Buchanan M. Petrograd: The city of trouble. 1914–1918. London: Collins, 1918. P. 253–262.

¹⁹ Appointment of M. Litvinov as provisional Russian plenipotentiary in London. Buchanan to the Foreign Office, 4 January 1918 // TNA. Treasury Board 1/12126; Майский И. Внешняя политика РСФСР. 1917–1922. М.: Красная новь, 1923. С. 55.

²⁰ TNA. FO 371/3298/1957.

приобрел ценные для большевиков связи не только среди английской интеллектуальной элиты, но и в деловых кругах обеих англосаксонских стран. Наконец, он всегда оставался прагматиком, далеким от «революционного романтизма», что неоднократно отмечали люди, близко знавшие Максима Максимовича²¹ [Scheffer, 1931: 677]. Как писал, например, известный американский журналист Л. Фишер, в беседе с ним М.М. Литвинов однажды признался, что последние надежды на мировую революцию исчезли для него 11 ноября 1918 г. вместе с окончанием «империалистической войны» [Fischer, 1951: 124; Haslam, 1996: 56].

Не получив аккредитации в форме, традиционной для межгосударственных отношений, большевистский эмиссар был вынужден осуществлять контакты с Форин офис через некоего Р. Липера, уроженца Австралии, работавшего в Разведывательном бюро пропаганды, которое 19 февраля 1918 г. было реорганизовано в Департамент политической разведки Форин офис (Political Intelligence Department) [Sharp, 1988: 360].

Дипломатическая деятельность советского уполномоченного начиналась на фоне сепаратных переговоров в Брест-Литовске, которые большевики стремились использовать не только для заключения мира, но и, как уже было отмечено, для шантажа Антанты. Несмотря на заявление советского правительства от 27 января 1918 г., которым оно прекратило действие российско-британской конвенции 1907 г. [Давидсон, 2005: 55–56], а также на декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 3 февраля 1918 г. касательно аннулирования всех государственных внутренних и иностранных займов, включая сделанные в Великобритании²², М.М. Литвинов сразу же развил кипучую деятельность по нескольким направлениям. Прежде всего, он стремился получить от К.Д. Набокова, продолжавшего выполнять функции временного поверенного России на берегах Темзы, здание и все остальное имущество бывшего царского посольства в Лондоне — так называемого Чэшем-хауза. Следующей целью Максима Максимовича были сосредоточение в своих руках консульских функций, но главное — аккумуляция финансовых средств бывшей русской дипломатической миссии. Открыв так называемое Российское народное посольство (Russian People's Embassy) в своей

---

²¹ Беседовский Г.З. На путях к Термидору (из воспоминаний бывшего советского дипломата). Т. 1. Париж: Мишень, 1930. С. 218–221; Соломон Г.А. Среди красных вождей. М.: Современник, Росинформ, 1995. С. 475–476.

²² Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Сост. Ю.В. Ключников, А.В. Сабанин. Ч. 2. М.: Литиздат НКВД, 1926. С. 114; Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 386–387.

квартире из-за категорического отказа К.Д. Набокова передать ключи от Чэшем-хауза, М.М. Литвинов приступил к выполнению служебных обязанностей силами всего пяти сотрудников, включая супругу как секретаря, а также помощников из числа бывших членов Российской военно-закупочной комиссии и товарищей по эмиграции²³.

Уже 12 января 1918 г. через леволейбористскую газету «Daily Gerald» он обратился к рабочим Великобритании²⁴, 28 января начал выдавать визы репатриантам, 9 февраля добился прекращения авансирования английским Казначейством прежних российских загранучреждений на территории Соединенного Королевства, а спустя четыре дня направил ноту А. Бальфуру с протестом против призыва граждан России на действительную службу в вооруженные силы Британской империи²⁵ [Майский, 1957: 63; Трофимова, 1972: 65–68; Кононова, 2004: 30]. Сравнительно недавно рассекреченная служебная переписка М.М. Литвинова с Г.В. Чичериным позволила установить объем текущих расходов полпреда на служебную деятельность за январь–март 1918 г., которые составили немалую для того времени сумму – почти 3000 ф. ст.²⁶

Одновременно эмиссар Страны Советов продолжал фигурировать в сводках Специального отдела Скотланд-Ярда, сотрудники которого занимались пресечением антиправительственной деятельности. Дело дошло до того, что министр внутренних дел лорд Кейв назвал распространение М.М. Литвиновым среди лондонских трудящихся пацифистского памфлета нарушением всяких дипломатических норм. А лорд Сесил, выступивший на заседании Кабинета в поддержку этих обвинений, присовокупил к ним сообщения о попытках новоявленного советского дипломата привлечь военно-служащих-евреев к антивоенной пропаганде в своих частях и среди команд двух русских патрульных кораблей, стоявших на якоре у побережья Мерсисайда [Ullman, 1961: 79].

Серьезную озабоченность Уайтхолла также вызвали речь М.М. Литвинова на митинге в Лондоне 22 января и его приглашение на общенациональную конференцию лейбористов, которая состоялась в Ноттингеме 23–25 января 1918 г. [Page Arnot, 1967: 122–124].

²³ Майский И.М. Путешествие в прошлое. М.: АН СССР, 1960. С. 72.

²⁴ Daily Herald, 12 January 1918 (clipping) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6302. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

²⁵ Нота Литвинова лорду Бальфуру, 13 февраля 1918 г. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 103–104.

²⁶ Обмен телеграммами между Чичериным и Литвиновым, январь–март 1918 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 069. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 1–25.

Кроме того, руководитель упоминавшегося Специального отдела британской полиции Б. Томпсон заявил о том, что М.М. Литвинов пытался «начать формирование отрядов Красной гвардии, привлекая в нее 23 тыс. евреев из России, проживавших с временной регистрацией в кварталах на востоке Лондона». Наконец, по информации Скотланд-Ярда, при въезде в Соединенное Королевство и женитьбе на британской подданной М.М. Литвинов прошел регистрацию под фальшивыми именами²⁷ [Debo, 1975: 467–469].

Между тем еще 31 декабря 1917 г. Кабинет принял решение об уточнении целей войны в ответ на декларации СНК от 22 декабря и министра иностранных дел Австро-Венгрии графа О. Чернина от 25 декабря. Программное выступление Д. Ллойд Джорджа в Кэкстон-холле перед профсоюзными лидерами состоялось 5 января 1918 г., за три дня до оглашения президентом США В. Вильсоном знаменитых «Четырнадцать пунктов». Как справедливо отметил современный исследователь, текст речи премьера отразил компромисс, достигнутый различными группировками британского истеблишмента [Фомин, 2012: 75–77]. Затронув «русский вопрос», Д. Ллойд Джордж в довольно обтекаемых выражениях охарактеризовал перспективы отношений с большевистским режимом: «Мы будем счастливы сражаться до конца бок о бок с новой демократией России. Однако если ее нынешние правители предпримут шаг без согласования с союзниками, мы не предполагаем вмешиваться для того, чтобы остановить катастрофу, которая, без сомнений, ожидает их страну. Россия может быть спасена только собственным народом». Вместе с тем после «пряника», заключавшегося в декларируемом отказе от интервенции Антанты, которой очень опасались в Петрограде, зазвучали нотки реальной политики, когда Д. Ллойд Джордж прямо высказался в пользу конституирования независимой Польши как важнейшего элемента стабильности в Европе [The Cambridge history of British foreign policy, 1923: 522].

Несмотря на демонстрируемое широкой публике единство внутри Кабинета, возобновление мирных переговоров в Брест-Литовске привело к новому раунду дискуссий среди членов правительства относительно российского вектора внешней политики. 8 февраля Д. Ллойд Джордж сообщил министрам о телеграмме Р. Локкарта с предложениями признать советский режим и даже разрешить Г.В. Чичерину, фактически исполнявшему обязанности главы НКВД, въезд в Соединенное Королевство для обсуждения этого вопроса. Любопытно, что премьер первоначально не возражал против такой

---

²⁷ Thompson to Cave, 6, 20 February 1918 // TNA. FO 371/3299/33471; TNA. Oxford University Bodleian Library. MS Milner. Box B.

инициативы, видимо, рассчитывая на взрыв возмущения среди германских рабочих и дестабилизацию ситуации в Германии, если Берлин откажется принять условия мира, выдвинутые большевиками. Однако он столкнулся с открытым противодействием лорда Сесила, заявившего, что еще не пришло время для официального признания правительства Ленина—Троцкого. В результате вновь победила уклончивая позиция А. Бальфура, саркастически заметившего, что Р. Локкарт «рассматривает большевиков как ангелов света». Кабинет принял компромиссную резолюцию, подготовленную главой Форин офис, но отредактированную Сесилом и Ф. Керром — личным секретарем Д. Ллойд Джорджа. В ней указывалось на важность урегулирования румынского и польского вопросов перед принятием окончательного решения о признании советского режима в России²⁸.

Тем временем СНК, опасаясь возобновления германского наступления, объявил об отправке в качестве уполномоченных в Париж — бывшего председателя ВЦИК Л.Б. Каменева, а в Берн — заместителя наркома по иностранным делам И.А. Залкинда. Интервью, которое первый дал шведскому журналу «Politiken» по прибытии в столицу скандинавского королевства, содержало фразу о намерении большевиков поднять революционную волну во Франции и Великобритании, а также заявление о том, что благодаря заключению сепаратного мира с Россией германская армия сможет оказать давление на Антанту, чтобы завершить «мировую бойню» «вничью» [Debo, 1975: 476].

Однако из-за того, что французское правительство, в отличие от нейтральной Швейцарии, не желало видеть у себя в стране представителя одиозного большевистского режима, а Форин офис все еще рассчитывал использовать германо-советские переговоры для реанимации военных усилий России, Л.Б. Каменев и И.А. Залкинд направились не напрямую в Париж, а в шотландский порт Абердин, где и высадились 23 февраля 1918 г., чтобы на следующий день прибыть в Лондон²⁹ [Schuman, 1957: 103].

В этой связи снова уместно привести дневниковую запись Б. Вебб о беседе с представителями большевиков. Она состоялась 27 февраля, т.е. в решающий момент брестских переговоров, на провал которых и возобновление военных действий против Германии очень рассчитывали в Лондоне. «Я спросила их, — отметила автор дневника, — желает ли большевистское правительство, чтобы мы

---

²⁸ 8 February 1918 // Thomas Jones. Whitehall diary / Ed. by K. Middlemas. Vol. 1. London: Oxford University Press, 1969. P. 49–52.

²⁹ Reports of the Foreign Office Political Intelligence Department on the negotiations in Brest-Litovsk, 9, 18, 25 January 1918 // TNA. CAB 24/28; CAB 24/29; CAB 24/40.

[Великобритания. — *Е.С.*] приняли их условия мира с Германией как свершившийся факт. Оба они ответили, что мы будем вынуждены сделать это, потому что мы не можем побить Германию. Похоже, что их [большевиков. — *Е.С.*] не беспокоят ни потерянные губернии, ни мнение российского пролетариата. Все, чего они хотят, — чтобы их оставили в покое для завершения социальных трансформаций, к которым они приступили»³⁰.

Подписание 3 марта 1918 г. «грабительского», как называли его сами большевики, мирного договора в Брест-Литовске, вызвавшего волну общественного негодования в России и государствах Согласия, заставило Форин офис объявить Л.Б. Каменева персоной нон-грата. Брестский трактат не оставлял шансов последнему для инициирования переговоров с Уайтхоллом. Пришлось возвращаться домой через Норвегию, хотя из-за противодействия властей независимой Финляндии он смог добраться до Советской России только к середине июля 1918 г., будучи обмененным на финских граждан, интернированных большевиками в России [Henderson, Dovgalevsky, 1929: 3; Debo, 1975: 481].

* * *

Как уже было отмечено, одновременно с М.М. Литвиновым в Лондоне поддержанием контактов между Уайтхоллом и СНК сначала в Петрограде, а затем и в Москве занимался специальный представитель британского правительства Р.Б. Локкарт. История подготовки его миссии заслуживает особого внимания, поскольку со всей наглядностью демонстрирует противоречивость внешнеполитических шагов Лондона на российском направлении и отражает соперничество различных тенденций в британской дипломатической практике.

Стоит отметить, что подготовка командировки Р. Локкарта не заняла много времени в связи с ее чрезвычайным характером и той ситуацией, которая сложилась в отношениях между Россией и Великобританией к началу 1918 г. В инструкциях Форин офис для дипломата говорилось о том, что он обязан «нанести как можно больший ущерб немцам, ставить палки в колеса сепаратных мирных переговоров и любыми средствами укреплять сопротивление большевиков германским требованиям» [Chambers, 2009: 223]. Одновременно для Д. Ллойд Джорджа и других членов правительства важно было осуществить глубокий зондаж истинных намерений большевистского руководства. При этом выбор Р. Локкарта, молодого человека 30 лет, обладавшего, безусловно, опытом диплома-

---

³⁰ 27 February 1918 // The diary of Beatrice Webb. P. 298–299.

тической работы, но никогда не сталкивавшегося с необходимостью решать столь масштабные проблемы, для такой важной командировки был прежде всего обусловлен рекомендацией лорда А. Милнера, который в апреле 1918 г. занял ключевой пост военного министра, хотя последнее слово, разумеется, осталось за Д. Ллойд Джорджем [Keeble, 1990: 20–21].

С 18 по 21 декабря 1917 г. проходили интенсивные консультации членов правительства, экспертов военного, морского и дипломатического ведомств относительно задач, которые была призвана решить миссия Р. Локкарта. 20 декабря он был приглашен в МИД, чтобы высказать свое мнение о текущих событиях в России перед группой политиков и чиновников самого высокого уровня. На следующий день сам Д. Ллойд Джордж принял его на Даунинг-стрит, 10, что подчеркнуло значимость предстоявшей миссии³¹.

О сохранявшихся в правительстве разногласиях относительно целесообразности командировки Р. Локкарта свидетельствует не только, как он сам вспоминал, назначение его специальным посланником без прямой санкции Форин офис, хотя и с согласия А. Бальфура³², но и ведомственная переписка дипломатов. Так, 13 января 1918 г. Ф. Линдли, оставшийся в Петрограде после отъезда Дж. Бьюкенена временным поверенным, сообщил на берега Темзы о допустимости приезда Р. Локкарта только как главы торговой миссии. «Мне представляется, – телеграфировал Ф. Линдли, – необходимый курс действий уже намечен сэром Дж. Бьюкененом <...>, т.е. мне необходимо войти в неофициальные отношения с большевиками и использовать Локкарта как посредника во всех дискуссиях»³³. Однако эти возражения были оставлены премьером без внимания, что в дальнейшем привело к параллельной деятельности двух британских представительств в Советской России – регулярного под руководством Ф. Линдли и чрезвычайного во главе с Р. Локкартом [Macdonald, Dronfield, 2016: 45, 47].

Помимо согласований в правительственных структурах Р. Локкарт накануне отъезда имел ряд встреч с доверенными лицами НКВД в Лондоне. Сначала он беседовал с Ф.А. Ротштейном – человеком, который эмигрировал из России на берега Альбиона еще в 1891 г., а с началом мировой войны работал переводчиком в военном ведомстве, будучи хорошо известным в кругах политэми-

---

³¹ Локкарт Р.Б. Агония Российской империи: воспоминания офицера британской разведки / Пер. с англ. М.: Алгоритм, 2016. С. 207–208; Берберова Н.Н. Железная женщина. М.: Изд. Сабашниковых, 2001. С. 223.

³² Локкарт Р.Б. История изнутри. Мемуары британского агента / Пер. с англ. М.: Новости, 1991. С. 192.

³³ Lindley to the Foreign Office, 13 January 1918 // TNA. FO 800/205/235-236.

грантов³⁴ [Costello, 1988: 95]. Используя личное знакомство Ф.А. Ротштейна с М.М. Литвиновым, молодой британский дипломат сумел 11 января 1918 г. встретиться с последним в одном из ресторанов на Стрэнде. По словам Р. Локкарта, советский представитель «считал германский милитаризм большей опасностью, чем английский капитализм». Именно М.М. Литвинов составил для Р. Локкарта рекомендательное письмо к Л.Д. Троцкому, позволившее впоследствии британскому эмиссару завязать довольно тесные рабочие отношения со вторым лицом в тогдашнем советском руководстве³⁵.

13 января 1918 г. Р. Локкарт в сопровождении трех помощников отплыл на военном корабле из Абердина и спустя две недели прибыл в Петроград. Получив информацию о серьезной борьбе внутри большевистской верхушки по вопросу продолжения войны, он, как уже отмечалось, все же сообщил в Форин офис о желательности если не открытого признания, то хотя бы установления неофициальных, но тесных контактов с советским правительством [Иванов, 2012: 153–154].

Однако на пути осуществления этого замысла стояли серьезные препятствия. Во-первых, противоречия внутри как большевистского, так и британского руководства. Во-вторых, фактический развал бывшей царской армии, в рядах которой после хаотичной демобилизации оставалось не более 20% личного состава [Debo, 1979: 125]. В-третьих, острая нехватка вооружения, которая, по мнению военных экспертов, делала невозможной защиту Петрограда в случае возобновления германского наступления³⁶. К этим проблемам добавлялась оккупация Бессарабии и Северной Буковины войсками Румынии, сохранявшей членство в Антанте [Dennis, 1924: 165–176; Fischer, 1951: 78–81; Girault, Frank, 1988: 1954]. Катастрофичность сложившегося положения усугубили провозглашение Центральной Радой 24 января 1918 г. государственной независимости Украины и последовавшее заключение киевским правительством мирного договора с Четверным союзом.

Не могла внушать наблюдателям оптимизм и экономическая ситуация в Советской России зимой 1917–1918 гг. Опасения союзников вызывала перспектива реорганизации российских оборонных заводов под руководством немцев с поставкой их продукции в Германию³⁷. По воспоминаниям А. Монкхауза, британского ин-

³⁴ Майский И.М. Путешествие в прошлое. С. 90–100.

³⁵ Локкарт Р.Б. История изнутри. С. 185–187; Он же. Агония Российской империи. С. 213; Майский И.М. Путешествие в прошлое. С. 69.

³⁶ Memorandum by the Foreign Office 'Our policy towards the Bolsheviks', 9 February 1918 // TNA. FO 800/205.

³⁷ Report by J. Merrett on the Russian industrial situation, 8 February 1918 // TNA. FO 175/6.

женера на одном из московских заводов, в городах рабочие комитеты требовали от предпринимателей выплаты им колоссальных премий из «сверхприбылей», которые, согласно их утверждениям, образовались у капиталистов во время войны. Декрет, принятый советским правительством в январе 1918 г., обязал всех нанимателей с 8 ноября 1917 г., т.е. «задним числом», увеличить заработную плату персоналу фабрик и заводов на 26%. Это решение вызвало фактическую остановку большинства мелких, многих средних и части крупных фабрик к февралю 1918 г. Сам же А. Монкхауз, как и многие британские подданные, проживавшие в России, подвергся аресту по обвинению в саботаже³⁸.

В условиях анархии и хаоса, царивших в Стране Советов, Уайтхолл продолжал выработку внешнеполитического курса, рассматривая три возможные альтернативы: поддержку Добровольческой армии М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова через выделение антибольшевистским силам 6 млн ф. ст., как предлагало руководство военной разведки МИ-1(с)³⁹ [Иванов, 2012: 154]; установление тесных контактов с правительством Ленина–Троцкого по рекомендации Р. Локкарта, который весной 1918 г. выступал за «интервенцию по соглашению с большевиками»⁴⁰; реанимацию Восточного фронта, способного предотвратить или хотя бы ослабить ожидавшееся наступление немцев во Франции [Kettle, 1981: 220–249].

Эта неопределенность получила отражение в резолюции, одобренной членами Кабинета при уточнении дополнительных инструкций Р. Локкарту: «Мы согласны, что в настоящее время нет возможности идти на абсолютное признание [большевиков. — *Е.С.*], но вместе с тем крайне нежелательно привести дело к полному разрыву [с ними. — *Е.С.*]»⁴¹. Однако спустя всего четыре дня большинство членов правительства все же посчитали преждевременным вступать в официальные отношения с советским режимом [Иванов, 2012: 154]. Не имея четких указаний и сталкиваясь с откровенным недоброжелательством к своей миссии со стороны большей части сотрудников дипломатической службы Форин офис, которые считали В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого «переодетыми офицерами германского штаба или по крайней мере немецкими агентами»⁴² [Ullman, 1961: 61], Р. Локкарт зачастую вынужден был действовать на свой страх и риск.

---

³⁸ Monkhouse A. Moscow, 1911–1933. London, 1933. P. 70–73.

³⁹ Gilbert M. Winston S. Churchill. P. 220.

⁴⁰ Локкарт Р.Б. Агония Российской империи. С. 260.

⁴¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. С. 98–99.

⁴² Локкарт Р.Б. История изнутри. С. 181.

15 февраля 1918 г. состоялась его первая встреча с Л.Д. Троцким, вернувшимся в Петроград после провала очередного раунда мирных переговоров в Брест-Литовске. В ходе двухчасовой беседы нарком заверил британского представителя, что немцы вряд ли предпримут наступление на советскую столицу. В противном случае, отметил Л.Д. Троцкий, он сумеет убедить советское правительство возобновить войну, если союзники твердо пообещают оказать России помощь⁴³.

Казалось, что полные оптимизма телеграммы Р. Локкарта в Лондон встретили позитивную реакцию А. Бальфура. 21 февраля он сообщил дипломату, что, хотя «сотрудничество с большевиками должно основываться не на любви, а на расчете», «пока они противостоят нашим врагам или приводят их в замешательство, дело большевиков отвечает нашим целям»⁴⁴. При этом настроение Р. Локкарта соответствовало надеждам других неофициальных эмиссаров союзников — капитана Ж. Садуля, прикомандированного к французской военной миссии, и полковника Р. Роббинса, возглавившего осенью 1917 г. представительство американского Красного Креста в России [Kennan, 1961: 49–63; Ullman, 1961: 127].

В итоге, однако, предложения Р. Локкарта были оставлены без ответа, поскольку, как уже отмечалось, далеко не все члены правительства одобряли тактику переговоров с большевиками, а некоторые чиновники Форин офис, например Сесил, выполнявший по совместительству функции заместителя министра иностранных дел, а также представители официальной британской миссии в России во главе с Ф. Линдли и военные (упоминавшийся генерал А. Нокс и др.) вообще считали «флирт» специального посланника с советским режимом «аморальным», называя Р. Локкарта в частной корреспонденции «дураком или предателем, заслуживающим виселицы»⁴⁵ [Ullman, 1961: 49, 72–73].

Следующая беседа с главой НКВД произошла у Р. Локкарта 23 февраля, т.е. после предъявления германского ультиматума, когда большевистское руководство всерьез рассматривало вопрос о согласии на предложение упоминавшегося Ж. Садуля предоставить в распоряжение СНК 40 штабных офицеров, 40 полевых командиров и 300 солдат из числа союзной военной миссии, прибывшей в Россию из Румынии. По замыслу некоторых представителей Антанты, они могли бы послужить своеобразным центром организации партизанского движения против немцев, а в перспек-

---

⁴³ Там же. С. 209–210.

⁴⁴ Balfour to Lockhart, 21 February 1918 // TNA. FO 371/3199/32015.

⁴⁵ Локкарт Р.Б. История изнутри. С. 209–210.

тиве оказать помощь при формировании новой регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА)⁴⁶ [Трофимова, 1972: 68].

Между тем в позиции В.И. Ленина, имевшей решающее значение, произошло резкое изменение: если 22 февраля он вместе с Л.Д. Троцким допускал поддержку Антанты и продолжение «революционной войны», то через сутки категорически высказался за подписание мирного договора с немцами на любых условиях⁴⁷. Именно эти колебания получили отражение во время второй встречи Р. Локкарта с Л.Д. Троцким, который на этот раз обвинил британского дипломата в интригах против большевиков, но пообещал собеседнику, что мир с немцами будет заключен лишь в тактических целях и на короткий срок⁴⁸. Тем не менее в связи с угрозой захвата германскими войсками Петрограда союзники поспешили рано утром 26 февраля эвакуировать дипломатические миссии из Северной столицы в Вологду, где они вынуждены были оставаться до конца июля 1918 г.⁴⁹ [Быков, Панов, 1998: 11–14].

В то время как советская делегация во главе с Г.Я. Сокольниковым выехала в Брест для подписания мира, Р. Локкорт 1 марта наконец получил возможность увидеться с В.И. Лениным. Продолжая лавировать между двумя «империалистическими блоками», вождь заверил собеседника в эффективности пассивного сопротивления со стороны населения, которое, по его мнению, не позволило бы немцам вывозить продовольствие и сырье. В.И. Ленин также указал на необходимость для германского командования дислоцировать значительные военные силы на востоке. «До тех пор, пока существует немецкая опасность, — заявил председатель СНК, — я готов рискнуть на сотрудничество с союзниками, которое временно будет выгодно для обеих сторон. В случае немецкой агрессии я соглашусь даже на военную помощь»⁵⁰ [Wheeler-Bennett, 1939: 284; Warth, 1954: 227; Swain, 1996: 135].

5 марта произошла третья за полмесяца встреча Р. Локкарта и Л.Д. Троцкого — теперь уже как председателя Высшего военного совета, созданного накануне. О ее результатах британский представитель направил в Лондон следующую телеграмму: «Я имел сегодня длинную беседу с Троцким. Он сообщил мне, что съезд Советов объявит, вероятно, 12 марта священную войну Германии или

---

⁴⁶ Он же. Агония Российской империи. С. 263.

⁴⁷ Протоколы заседаний ЦК РСДРП(б) 22 и 23 февраля 1918 г. // Протоколы ЦК РСДРП. М.; Л., 1929. С. 243–252.

⁴⁸ Локкорт Р.Б. История изнутри. С. 213.

⁴⁹ Antonelli E. Bolshevik Russia. New York: A. Knopf, 1920. P. 201; Берберова Н.Н. Железная женщина. С. 226.

⁵⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. С. 220, 252.

же поведет себя таким образом, чтобы сделать неизбежным объявление войны Германией. Однако для успеха этой политики важно упомянуть возможность оказания помощи союзниками». Примечательно, что именно на этой встрече собеседники впервые обсудили возможность японской оккупации Сибири, согласие на осуществление которой Уайтхолл дал накануне, оформив его специальным решением Кабинета⁵¹ [Occleshaw, 2006: 91]. В ответной телеграмме А. Бальфура на имя Р. Локкарта глава Форин офис рекомендовал последнему убедить большевистских лидеров в том, что «японцы придут в Россию как друзья, а не как захватчики»⁵² [Dugdale, 1936: 258; Kennan, 1967: 281–282].

Тем временем попытки В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого получить твердые заверения Великобритании, Франции и США в поддержке Советской республики для продолжения вооруженной борьбы против германо-австрийского блока сопровождались не только упомянутой заграничной миссией Л.Б. Каменева и И.А. Залкинда, но и нотами НКИД в адрес союзников и даже переносом съезда Советов с 12 на 14 марта. По словам К.Д. Набокова, в феврале – начале марта 1918 г., т.е. еще до ратификации Брестского договора, «признание Советской власти не только обсуждалось между союзниками, но и было весьма близко к осуществлению»⁵³.

Однако все усилия оказались тщетными, несмотря на отчаянные телеграммы Р. Локкарта в Форин офис, лейтмотивом которых звучала мысль о том, что это последний шанс Антанты и что, санкционируя высадку японских войск во Владивостоке, англичане, французы и американцы упускают возможность восстановить союзнические отношения с Россией после того, как Германия сбросила маску, предъявив грабительские условия сепаратного мира в Бресте [Coates W., Coates Z., 1935: 63–69].

Даже в этой критической ситуации Кабинет не спешил с принятием энергичных мер. Только 9, а затем 14 марта его члены провели дискуссии по запросу Л.Д. Троцкого относительно военной помощи в связи с намерением советского правительства оборонять Украину от вторжения германо-австрийских войск [Swain, 1996: 119]. Однако большинство министров выступили против. Зато экспедиция японских сил на российскую территорию под благовидным предлогом ее защиты от немецкой агрессии получила одобрение Кабинета [Coates W., Coates Z., 1935: 70–71; Быстрова, 2016: 68–71]. Последние надежды государств Согласия «перетянуть» на свою

⁵¹ Meeting of the War Cabinet, 4 March 1918 // TNA. CAB 23/5.

⁵² Генуэзская конференция 1922 г. Материалы и документы / Сост. Г.Б. Сандомирский. М.: НКИД, 1922. С. 147.

⁵³ Набоков К.Д. Испытание дипломата. С. 190.

сторону правительство В.И. Ленина исчезли в результате ратификации 15 марта 1918 г. IV Чрезвычайным съездом Советов мирного договора с участниками Четверного союза [Warth, 1954: 240–241; Northedge, Wells, 1982: 28]. Неслучайно уже на следующий день лидеры Антанты в Лондоне согласились с тем, что остается «только одно средство помощи России – союзная интервенция», а 18 марта специальной декларацией они осудили Брестский мирный договор, признав его юридически недействительным⁵⁴.

* * *

Если до подписания сепаратного мира в британской прессе раздавались голоса за отправку в помощь Р. Локкарту еще одного дипломата левых политических убеждений, а российские порты посетили несколько грузовых пароходов с английскими товарами в качестве «жеста доброй воли», то после 3 марта развернулась кампания настоящей травли большевиков, обвиненных журналистами Флит-стрит во всех смертных грехах. Характерно, что Русский правительственный комитет, продолжавший, несмотря на свержение Временного правительства, работать в столице Соединенного Королевства, направлял всех эмигрантов перед отъездом на родину в Форин офис, где им предлагалось вступать в антибольшевистские организации и даже давались их адреса на территории России. Кроме того, британские власти возобновили практику интернирования военных и коммерческих пароходов из России в английских портах⁵⁵.

Вполне понятно, что помимо возникновения военно-стратегических проблем односторонний выход из войны такого важного союзника, как Россия, означал для Великобритании прорыв экономической блокады Центральных держав и появление реальной угрозы английским владениям в Азии [French, 1995: 173–174]. Неслучайно ряд английских историков сравнивали решение большевиков заключить Брестский мир в 1918 г. с подписанием пакта Молотова–Риббентропа спустя 20 лет [Northedge, Wells, 1982: 27], хотя другие исследователи связывали приобретение большевистской Россией нейтрального статуса с действительным, а не мнимым «конституированием Советского государства» [Ulam, 1968: 75].

Проведенное исследование показывает, что на рубеже 1917–1918 гг. британская дипломатия оказалась неспособной решить стратегическую задачу удержания Советской России в составе Ан-

---

⁵⁴ Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. С. 135–137; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. М., 1937. С. 87–88, 101.

⁵⁵ Обзор советско-английских отношений, конец 1917 – начало 1918 г., б/д // АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 31–37.

танты. Это объяснялось не только соперничеством различных мнений среди ведущих политиков Альбиона, но и попытками, хотя и далеко не всегда успешными, большевистского руководства маневрировать между великими державами в надежде сыграть на «империалистических противоречиях», которые позволили бы В.И. Ленину и его соратникам сохранить власть до победы мировой революции. Неудача проектов реанимации Восточного фронта, ставшая очевидной в результате подписания Советской Россией сепаратного мира с державами Четверного союза, оставляла для Лондона только один выход в отношениях с большевистским правительством — организацию вооруженного вмешательства, которое на первом этапе приняло форму интервенции «по соглашению».

Так завершился кратковременный «петроградский» период советско-британских отношений, на протяжении которого, как свидетельствуют источники, сохранялась возможность восстановления союза между РСФСР и Соединенным Королевством. При этом, по глубокому убеждению автора, ответственность за то, что она оказалась нереализованной, несет также и большевистское руководство, которое в тот момент было готово пожертвовать национальным престижем, внутривнутриполитической стабильностью и благосостоянием населения ради создания Всемирной Республики Советов.

В итоге дипломатически проиграли обе стороны: союзники заплатили высокую цену, чтобы остановить весенне-летнее наступление немцев, а Россия покинула ряды Антанты «униженной и оскорбленной». Что же касается последствий заключения Брестского мира для двусторонних отношений, то они оказали самое негативное влияние на перерастание интервенции «по соглашению» первой половины 1918 г. в полномасштабный «крестовый поход» Антанты против РСФСР на протяжении следующего года, обернувшийся для нашей страны кровавыми жертвами и катастрофическими разрушениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков А.В., Панов Л.С. Дипломатическая столица России. Вологда: Ардвисура, 1998.
2. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. СПб.: ИРИ РАН, 2016.
3. Волков Ф.Д. Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980.
4. Выгодский С.Ю. У истоков советской дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965.
5. Давидсон А.Б. Образ Великобритании в России XIX—XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51—64.
6. Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М.: Наука, 1989.

7. Иванов А.А. Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе в 1917–1918 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 150–156.
8. Известные дипломаты России. Министры иностранных дел XX века / Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Московские учебники, 2007.
9. Кононова М.М. Структура, статус и механизм функционирования российских загранучреждений в эмиграции (1917–1925 гг.). М.: ИВИ РАН, 2004.
10. Левидов М.Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. Л.: Прибой, 1925.
11. Майский И.М. Англо-советское торговое соглашение 1921 г. // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 60–77.
12. Макаренко П.В. Брестский мир и дуализм советской внешней политики // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны: Материалы международной конференции 11–12 ноября 2008 г. / Отв. ред. В.В. Романов. Тамбов: Издательство Тамбовского университета, 2008. С. 232–244.
13. Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М.: Наука, 2004.
14. Нежинский Л.Н., Рудая Е.Н. НКВД РСФСР в первые годы Советской власти // Очерки истории МИД России / Отв. ред. А.М. Торкунов. Т. 2. М.: Международные отношения, 2002. С. 33–62.
15. Соловьев О.Ф. Из истории борьбы Советского правительства за мирное сосуществование с Англией // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 54–64.
16. Трофимова Л.И. Первые шаги советской дипломатии // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 63–79.
17. Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции: Брестский мир, октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Terra, 1992.
18. Фомин А.М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 72–91.
19. Чубарьян А.О. Брестский мир. М.: Наука, 1963.
20. Чубарьян А.О. В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М.: Наука, 1972.
21. Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Госполитиздат, 1989.
22. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 гг.) и капиталистический мир. СПб.: Д. Булавин, 2002.
23. Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М.: Госполитиздат, 1949.
24. The Cambridge history of British foreign policy, 1783–1919 / Ed. by A. Ward, G. Gooch. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1923.
25. Chambers R. The last Englishman: The double life of Arthur Ransome. London: Faber and Faber, 2009.
26. Coates W., Coates Z. Armed intervention in Russia 1918–1922. London: V. Gollancz, 1935.

27. Costello J. *Mask of treachery*. London: Collins, 1988.
28. Debo R. Litvinov and Kamenev – ambassadors extraordinary: The problem of Soviet representation abroad // *Slavic Review*. 1975. Vol. XXXIV. No. 3. P. 463–482.
29. Debo R. *Revolution and survival: The foreign policy of Soviet Russia 1917–1918*. Liverpool: Liverpool University Press, 1979.
30. Dennis A. *The foreign policy of Soviet Russia*. New York: J.M. Dent and Sons, 1924.
31. Dugdale B. *Arthur James Balfour*. Vol. 2. London: Hutchinson, 1936.
32. Fischer L. *The Soviets in world affairs. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world. 1917–1929*. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1951.
33. Foglesong D. *America's secret war against bolshevism: U.S. intervention in the Russian Civil War, 1917–1920*. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1995.
34. French D. *The strategy of the Lloyd George coalition, 1916–1918*. Oxford: Clarendon Press, 1995.
35. Girault R., Frank R. *Turbulente Europe et nouveaux mondes. Histoire des relations internationales contemporaines*. Vol. 2. Paris, etc.: Masson, 1988.
36. Haslam J. *Litvinov, Stalin, and the road not taken // Reexamining the Soviet experience. Essays in honor of Alexander Dallin / Ed. by D. Holloway, N. Naimark*. Boulder, Ca.: Westview Press, 1996. P. 55–62.
37. Henderson A., Dovgalevsky V. *Anglo-Soviet relations, 1918–1929 // Bulletin of International News*. 1929. Vol. VI. No. 7. P. 3–12.
38. Keeble C. *Britain and the Soviet Union, 1917–1989*. London: Macmillan, 1990.
39. Kennan G. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston: Little, Brown and Co., 1961.
40. Kennan G. *Soviet-American relations, 1917–1920*. Vol. 1. New York: Atheneum, 1967.
41. Kettle M. *Russia and the Allies. 1917–1920*. Vol. 1. London: A. Deutsch, 1981.
42. Lowe C., Dockrill M. *The mirage of power: British foreign policy, 1902–1922*. Vol. 2. London: Routledge and Kegan Paul, 1972.
43. Macrae M. *Recasting the victory strategy: Russia's exit from the war and its impact on Allied war plans // Первая мировая война, Версальская система и современность / Под ред. А.Ю. Павлова и др. Вып. 3. СПб.: Изд. РХГА, 2015. С. 289–296*.
44. Macdonald D., Dronfield J. *A very dangerous woman. The lives, loves and lies of Russia's most seductive spy*. London: Oneworld, 2016.
45. Northedge F., Wells A. *Britain and Soviet communism: The impact of a revolution*. London; Basingstoke: Macmillan, 1982.
46. Occleshaw M. *Dances in deep shadows: The clandestine war in Russia, 1914–20*. New York: Carrol and Graf Publishers, 2006.
47. Page Arnot R. *The impact of the Russian Revolution in Britain*. London: Lawrence and Wishart, 1967.

48. Scheffer P. Maxim Litvinov: An intimate study // *Current History*. 1931. Vol. XXXIV. No. 4. P. 670–677.

49. Schuman F. *Russia since 1917. Four decades of Soviet politics*. New York: A. Knopf, 1957.

50. Sharp A. Some relevant historians – the political intelligence department of the Foreign Office, 1918–1920 // *Australian Journal of Politics and History*. 1988. Vol. XXXIV. No. 3. P. 359–388.

51. Swain G. *The origins of the Russian Civil War*. London; New York: Longman, 1996.

52. Ulam A. *Expansion and coexistence. The history of Soviet foreign policy, 1917–67*. New York; Washington: F. Praeger, 1968.

53. Ullman R. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921*. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961.

54. Warth R. *The Allies and the Russian Revolution*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1954.

55. Wheeler-Bennett J. *Brest-Litovsk 1918. The forgotten peace, March 1918*. London: Macmillan, 1939.

56. White S. *The origins of détente. The Genoa Conference and Soviet-Western relations, 1921–1922*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

E.Yu. Sergeev

**THE SOVIET-BRITISH RELATIONS
AT THE TURN OF 1917/1918:
KEY ISSUES AND UNTAPPED OPPORTUNITIES**

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
32A Leninskii prospekt, Moscow, 119334*

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993*

This paper examines one of the key issues in relations between the Great Britain and the Bolshevik government during the first months after the October period of the Great Russian Revolution of 1917–1922 – participation of the Soviet Russia in military operations on the side of the Entente in the final stage of the First World War. The author emphasizes that position of the British political elites regarding the seizure of power in Russia by Vladimir Lenin and his supporters was not as straightforward as it was portrayed by the Soviet and Russian historiography: the British politicians faced a dilemma since they did not want to see Russia either as a neutral country or an enemy. On the basis of contemporaries' memoirs and diaries, previously unstudied official documents as well as a comparative analysis of the Russian and Western historiography, especially the recent publications, the author assesses successes and failures of both the Foreign Office and the People's Commissariat of Foreign Affairs in the late 1917 and early 1918 – the least studied period in the history of the

Soviet-British relations. The paper shows that apart from a continuous fighting on the fronts of the Great War, these successes and failures were attributable to a number of factors, including political struggle in both countries, strategic foreign policy objectives of both the Bolsheviks and the British elites, as well as the interference of the third parties – be it allies or enemies. In this difficult context, practical steps of the foreign ministries of both countries primarily depended on the outcomes of the intense polemics between the British and the Bolshevik politicians, diplomats and opinion leaders. Special focus is on the relations between the Soviet Russia and Great Britain during the Brest peace negotiations and particularly on the mission of R.H. Bruce Lockhart. The author concludes that throughout this period neither side managed to win the diplomatic duel: Great Britain had lost its strategic ally whereas Russia after four years of struggle had to repel the military intervention of its ex-partners in the Entente.

Keywords: the Soviet Russia, Great Britain, diplomatic relations, the First World War, Treaty of Brest-Litovsk, Vladimir Lenin, Leon Trotsky, Maxim Litvinov, David Lloyd George, Winston Churchill, R.H. Bruce Lockhart.

About the author: *Evgenii Yu. Sergeev* – Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Professor at the Russian State University for the Humanities (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com).

REFERENCES

1. Bykov A.V., Panov L.S. 1998. *Diplomaticheskaya stolitsa Rossii* [Diplomatic capital of Russia]. Vologda, Ardisura Publ. (In Russ.)
2. Bystrova N.E. 2016. *‘Russkii vopros’ v 1917 – nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy* [‘Russian question’ in 1917 – early 1920: The Soviet Russia and the Great Powers]. St Petersburg, IRI RAN Publ. (In Russ.)
3. Volkov F.D. 1980. *Tainy Whitehall i Downing-street* [Mysteries of Whitehall and Downing Street]. Moscow, Mysl’ Publ. (In Russ.)
4. Vygodskii S.Yu. 1965. *U istokov sovetskoj diplomatii* [Origins of the Soviet diplomacy]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
5. Davidson A.B. 2005. *Obraz Velikobritanii v Rossii XIX–XX stoletii* [The image of Great Britain in Russia in the 19th – 20th centuries]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 51–64. (In Russ.)
6. Dumova N.G., Trukhanovskii V.G. 1989. *Cherchill’ i Milyukov protiv Sovetskoi Rossii* [Churchill and Milyukov against the Soviet Russia]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
7. Ivanov A.A. 2012. *Russkaya revolyutsiya i konflikt v britanskom razvedyvatel’nom soobshchestve v 1917–1918 gg.* [Russian Revolution and conflict within the British intelligence community in 1917–1918]. *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 150–156. (In Russ.)
8. Torkunov A.V. (ed.). 2007. *Izvestnye diplomaty Rossii. Ministry inostrannykh del XX veka* [Russia’s famous diplomats. Ministers for Foreign Affairs in the 20th century]. Moscow, Moskovskie uchebniki Publ. (In Russ.)

9. Kononova M.M. 2004. *Struktura, status i mekhanizm funktsionirovaniya rossiiskikh zagranuchrezhdenii v emigratsii (1917–1925 gg.)* [Structure, status, and functioning mechanisms of the Russian foreign missions in emigration in 1917–1925]. Moscow, IVI RAN Publ. (In Russ.)

10. Levitov M.Yu. 1925. *K istorii soyuznoi interentsii v Rossiiu* [To the history of the Allied intervention in Russia]. Leningrad, Priboi Publ., vol. 1. (In Russ.)

11. Maiskii I.M. 1957. Anglo-sovetskoe torgovoe soglashenie 1921 g. [Anglo-Soviet Trade Agreement of 1921]. *Voprosy istorii*, no. 5, pp. 60–77. (In Russ.)

12. Makarenko P.V. 2008. Brestskii mir i dualizm sovetskoii vneshnei politiki [The Treaty of Brest-Litovsk and the duality of Soviet foreign policy]. In Romanov V.V. (ed.) *Chicherinskie chteniya. Rossiya i mir posle Pervoi mirovoi voiny: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, November 11–12, 2008* [The Chicherin Readings. Russia and the world after the First World War: Proceedings of the international conference, November 11–12, 2008]. Tambov, Tambovskii universitet Publ., pp. 232–244. (In Russ.)

13. Nezhinskii L.N. 2004. *V interesakh naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 gg.* [In the interests of people or against them? Soviet international policy in 1917–1933]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Nezhinskii L.N., Rudaya E.N. 2002. NKID RSFSR v pervye gody Sovetskoii vlasti [Peoples' Commissariat for Foreign Affairs of the Russian SFSR in the first years of the Soviet rule]. In Torkunov A.M. (ed.) *Ocherki istorii MID Rossii* [Essays on the history of the Russian Foreign Ministry]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., vol. 2, pp. 33–62. (In Russ.)

15. Solov'ev O.F. 1965. Iz istorii bor'by Sovetskogo pravitel'stva za mirnoe sosushchestvovanie s Angliiei [From the history of the Soviet government's struggle for peaceful coexistence with England]. *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 54–64. (In Russ.)

16. Trofimova L.I. 1972. Pervye shagi sovetskoii diplomatii [The first steps of the Soviet diplomacy]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1, pp. 63–79. (In Russ.)

17. Fel'shtinskii Yu.G. 1992. *Krushenie mirovoi revolyutsii: Brestskii mir, October 1917 – November 1918* [Collapse of the world revolution: The Treaty of Brest-Litovsk, October 1917 – November 1918]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)

18. Fomin A.M. 2012. Voenna-politicheskie tseli Velikobritanii na zavershayaushchem etape Pervoi mirovoi voiny [British political and war aims at the final stage of World War I]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, pp. 72–91. (In Russ.)

19. Chubar'yan A.O. 1963. *Brestskii mir* [The Treaty of Brest-Litovsk]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

20. Chubar'yan A.O. 1972. *Lenin i formirovanie sovetskoii vneshnei politiki* [Lenin and development of the Soviet foreign policy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

21. Sheinis Z.S. 1989. *Maksim Maksimovich Litvinov: revolyutsioner, diplomat, chelovek* [Maxim Maximovich Litvinov: The revolutionary, the diplomat, the man]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)

22. Shishkin V.A. 2002. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolyutsionnoi Rossii (1917–1930 gg.) i kapitalisticheskii mir* [Foreign policy of the post-revolutionary Russia in 1917–1930 and the capitalist world]. St Petersburg, D. Bulavin Publ. (In Russ.)

23. Shtein B.E. 1949. 'Russkii vopros' na Parizhskoi mirnoi konferentsii [The 'Russian question' at the Paris peace conference]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
24. Ward A., Gooch G. (eds.). 1923. *The Cambridge history of British foreign policy, 1783–1919*. Cambridge, Cambridge University Press, vol. 3.
25. Chambers R. 2009. *The last Englishman: The double life of Arthur Ransome*. London, Faber and Faber.
26. Coates W., Coates Z. 1935. *Armed intervention in Russia 1918–1922*. London, V. Gollancz.
27. Costello J. 1988. *Mask of treachery*. London, Collins.
28. Debo R. 1975. Litvinov and Kamenev – ambassadors extraordinary: The problem of Soviet representation abroad. *Slavic Review*, vol. XXXIV, no. 3, pp. 463–482.
29. Debo R. 1979. *Revolution and survival: The foreign policy of Soviet Russia 1917–1918*. Liverpool, Liverpool University Press.
30. Dennis A. 1924. *The foreign policy of Soviet Russia*. New York, J.M. Dent and Sons.
31. Dugdale B. 1936. *Arthur James Balfour*. London, Hutchinson.
32. Fischer L. 1951. *The Soviets in world affairs. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world. 1917–1929*. Princeton, N.J., Princeton University Press, vol. 1.
33. Foglesong D. 1995. *America's secret war against bolshevism: U.S. intervention in the Russian Civil War, 1917–1920*. Chapel Hill, London, University of North Carolina Press.
34. French D. 1995. *The strategy of the Lloyd George coalition, 1916–1918*. Oxford, Clarendon Press.
35. Girault R., Frank R. 1988. *Turbulente Europe et nouveaux mondes. Histoire des relations internationales contemporaines*. Paris, etc., Masson, vol. 2.
36. Haslam J. 1996. Litvinov, Stalin and the road not taken. In Holloway D., Naimark N. (eds.). *Reexamining the Soviet experience. Essays in honor of Alexander Dallin*. Boulder, Ca., Westview Press, pp. 55–62.
37. Henderson A., Dovgalevsky V. 1929. Anglo-Soviet relations, 1918–1929. *Bulletin of International News*, vol. VI, no. 7, pp. 3–12.
38. Keeble C. 1990. *Britain and the Soviet Union, 1917–1989*. London, Macmillan.
39. Kennan G. 1961. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston, Little, Brown and Co.
40. Kennan G. 1967. *Soviet-American relations, 1917–1920*. New York, Atheneum, vol. 1.
41. Kettle M. 1981. *Russia and the Allies. 1917–1920*. London, A. Deutsch, vol. 1.
42. Lowe C., Dockrill M. 1972. *The mirage of power: British foreign policy, 1902–1922*. London, Routledge and Kegan Paul, vol. 2.
43. Macrae M. 2015. Recasting the victory strategy: Russia's exit from the war and its impact on Allied war plans. In Pavlov A. Yu. (ed.). *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost'* [World War I, Versailles system and modernity]. St Petersburg, RKHGA Publ., ins. 3, pp. 289–296.

44. Macdonald D., Dronfield J. 2016. *A very dangerous woman. The lives, loves and lies of Russia's most seductive spy*. London, Oneworld.
45. Northedge F., Wells A. 1982. *Britain and Soviet communism: The impact of a revolution*. London, Macmillan.
46. Occeleshaw M. 2006. *Dances in deep shadows: The clandestine war in Russia, 1914–20*. New York, Carrol and Graf Publishers.
47. Page Arnot R. 1967. *The impact of the Russian Revolution in Britain*. London, Lawrence and Wishart.
48. Scheffer P. 1931. Maxim Litvinov: An intimate study. *Current History*, vol. XXXIV, no. 4, pp. 670–677.
49. Schuman F. 1957. *Russia since 1917. Four decades of Soviet Politics*. New York, A. Knopf.
50. Sharp A. 1988. Some relevant historians – the Political Intelligence Department of the Foreign Office, 1918–1920. *Australian Journal of Politics and History*, vol. XXXIV, no. 3, pp. 359–388.
51. Swain G. 1996. *The origins of the Russian Civil War*. London, New York, Longman.
52. Ulam A. 1968. *Expansion and coexistence. The history of Soviet foreign policy, 1917–67*. New York, Washington, F. Praeger.
53. Ullman R. 1961. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921*. Princeton, N.J., Princeton University Press, vol. 1.
54. Warth R. 1954. *The Allies and the Russian Revolution*. Durham, N.C., Duke University Press.
55. Wheeler-Bennett J. 1939. *Brest-Litovsk 1918. The forgotten peace, March 1918*. London, Macmillan.
56. White S. 1985. *The origins of détente. The Genoa Conference and Soviet-Western relations, 1921–1922*. Cambridge, Cambridge University Press.